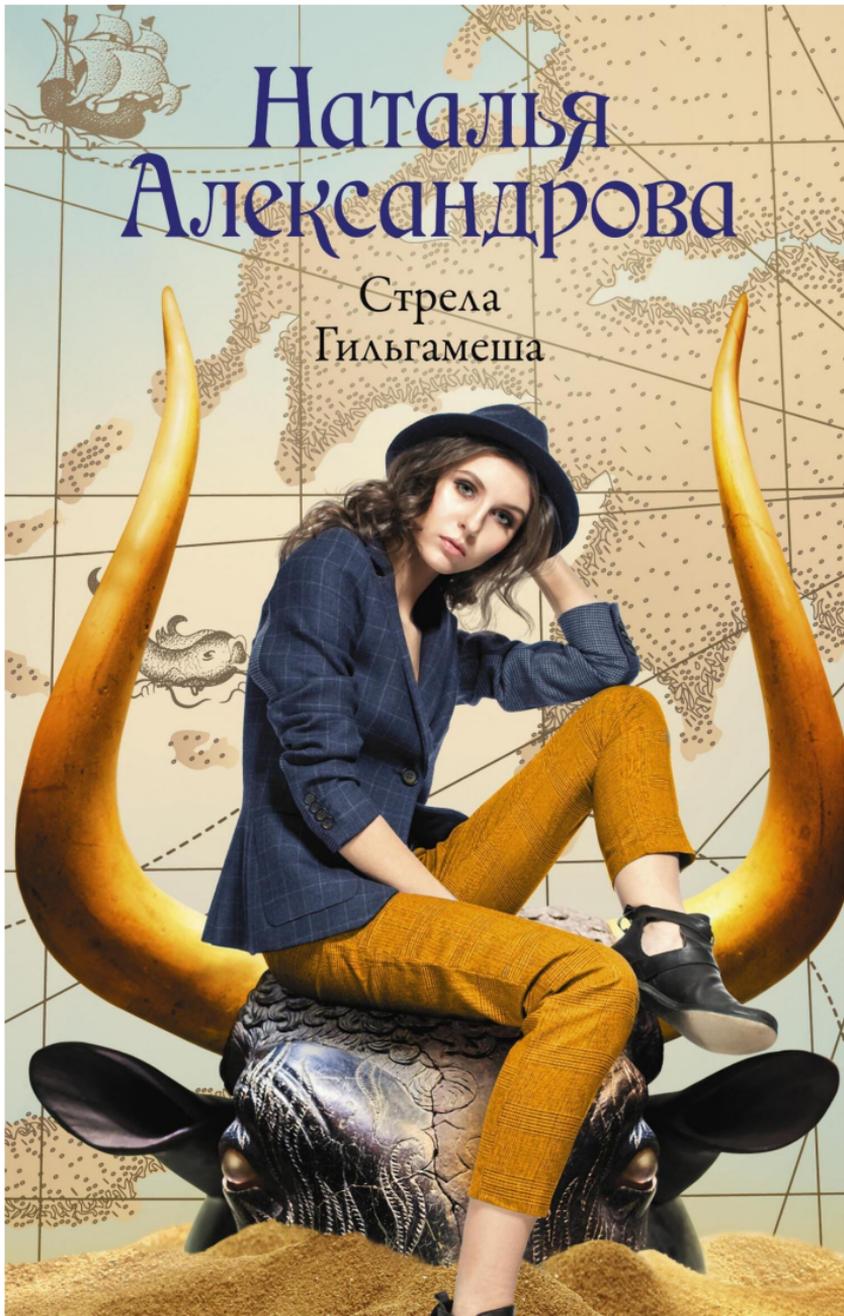

Наталья Александрова

Стрела
Гильгамеша

Наталья Николаевна Александрова

Стрела Гильгамеша

Серия «Роковой артефакт»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69265870
ISBN 978-5-17-153727-2

Аннотация

В одну ночь могущественный Вавилон был разграблен и разрушен варварами-скифами. Жрец Зиккурата, брат Хилареш, взял на себя великую миссию: уберечь от разбойников наконечник священного копья – Стрелу Гильгамеша. Однако служитель не справился, и святыня была утеряна.

С тех пор никто и никогда не видел древний артефакт, хотя поиски его продолжаются и в наши дни. Питерская домохозяйка Надежда Лебедева, имея авантюрный характер, тоже не смогла остаться в стороне и оказалась в эпицентре борьбы за обладание некой старинной картой, которая, как гласит легенда, указывает путь к местонахождению священной реликвии...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Наталья Александрова

Стрела Гильгамеша

Оформление Анастасии Орловой

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Александрова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

– Ну наконец-то мы встретились! – преувеличенно радостно сказала Мария, улыбаясь сидевшей напротив женщине.

Инка – старая ее подруга. Пока учились, дружили близко, не разлей вода были, потом жизнь не то чтобы разлучила, просто все расставила по своим местам. Выучились, замуж вышли, после этого и разошлись.

Инка дня не работала, поскольку муж ее сразу в гору пошел, да и детей у них не было – супруг против был, а она и не настаивала. Занималась собой, домом, путешествовала с мужем или сама по себе, в общем, жила как обеспеченная

свободная женщина.

А Мария – тоже как все: дом, работа, дочка... Изредка в отпуск вырваться, денег вечно не хватало... Был старый фильм такой, назывался «Разные судьбы».

Одно у них общее оказалось – с мужьями развелись почти одновременно. И оба мужа по-свински с ними поступили. Мария вот никак не ожидала, что муж с другой бабой закрутит, да так серьезно, что расстаться решит. Инка, выходит, тоже так думала. Ну, ей-то непростительно, ни работой не занята была, ни детьми, меньше надо было по курортам ездить, а больше за мужем присматривать...

Мария спохватилась, что подруга смотрит на нее в упор, небось успела прочесть ее мысли, поэтому постаралась улыбнуться, но было поздно.

– Что смотришь? – спросила Инка. – Выгляжу ужасно, да?

– Да не то чтобы... – Мария опустила глаза, потом взяла себя в руки. – Видно, конечно, как тебя эта история достала.

И то верно, выглядела Инка не блестяще. Раньше-то никто ей ее настоящего возраста не давал, ну, как все дамы ее сословия, фитнес там, процедуры разные, омоложение организма. Стройная, одета всегда со вкусом, опять-таки возможности были.

Сейчас тоже есть, отметила про себя Мария, с одеждой все в порядке, но вот лицо какое-то не ее. Возле губ складки, скулы слишком обтянуты... кожа сухая – возраст весь наружу. Да каждый заметит, что неприятности у женщины, а это

уж совсем нехорошо.

– Это аллергия у меня от солнца, – Инна заметила ее взгляд, – в последнее время страдаю вот...

– Да какое солнце? – удивилась Мария. – Какое в октябре у нас солнце-то? Чай не на юге живем...

– Ну, говори уж, – вздохнула Инка, – вижу, что не успокоишься, пока все мне не выскажешь.

– И с чего тебя так разобрало? – рассердилась Мария. – С какого перепуга ты так расклеилась? Сама же не раз говорила, что у вас не тот случай был, когда любят человека без памяти и жить без него не могут! А если и так, то сколько уже времени прошло с развода вашего?

– Два года...

– Так пора бы уж в себя прийти! Деньгами он тебя обеспечил, с голоду не умираешь, работать не нужно. Квартира, опять же...

– Ты права, конечно, – согласилась Инна, – но... тоска такая... Сижу одна...

Ах, вот в чем дело! Мария отругала себя за недогадливость. Все знакомые от Инки отвернулись, раз она теперь не жена богатого человека. А со старыми подругами она давно разошлась, кто-то и позлорадствовал, люди теперь злые и завистливые.

Вот она, Мария, как с мужем развелась, то, откровенно говоря, недолго переживала. Противно, конечно, было, считала себя преданной, но расслабляться некогда было.

Во-первых, работа. Во-вторых... Можно сказать, повезло ей. Если бы не развод, вряд ли она решилась бы начать романы писать. Муж бы засмеял – да куда тебе, да что еще придумала... А так – отговаривать некому было, она и написала. Да не один, а целых три. И напечатали их даже, чему она не переставала удивляться.

А уж после того, как в прошлом году в круизе побывала да описала то, что там случилось, – так и нашел ее успех. Раньше-то в издательстве смотрели снисходительно – мол, много вас таких, пишут и пишут. А теперь охранник у входа расшаркивается, редакторши комплименты говорят...

Да не в этом дело! Главное, жизнь у нее интересная, времени нет скучать и себя жалеть. Значит, можно все сначала начать, когда без малого полтинник?

Но как это Инке объяснить?

– Вижу, у тебя-то все хорошо, – пробормотала подруга, – глаза блестят, сама вся светишься, энергией так и пышешь...

– Это оттого, что все время куда-то тороплюсь, времени ни на что не хватает! – рассмеялась Мария, следя, чтобы смех не получился слишком счастливым. – Ладно, давай выпьем и поговорим о чем-нибудь приятном. Или ты за рулем?

– Да нет, оставила машину сегодня.

– Вот и хорошо! – Мария махнула официанту, который деликатно слонялся неподалеку.

Ресторан был довольно дорогой, зато народу мало, можно спокойно поговорить. Мария посчитала, что Инне такое

вполне по карману, в крайнем случае сама счет оплатит, ожидаются приличные денежные поступления. Но об этом пока говорить не стоит, чтобы не сглазить. Да и как Инка отреагирует, непонятно.

Марии стало смешно: надо же, кто-то и ей теперь может завидовать! Вот уж не думала, не гадала!

Они выбрали вино и еду, причем Мария настояла, чтобы Инна заказала что-то более калорийное, чем зеленый салат.

– Я мяса не ем... – слабо сопротивлялась подруга.

– Да? Может, пора уже бросить свои богатейские привычки? – всерьез рассердилась Мария. – Посмотри на себя: худущая, бледная, у тебя небось анемия! Если ни с кем не общаешься, для кого на диете сидеть?

После бокала хорошего вина и сытной еды Инна порозовела и слегка оживилась.

– Как ты все-таки время проводишь? Нужно больше на людях бывать, – советовала Мария.

– Ой, ты права! И сама думаю, что скоро все наладится! Я, знаешь, к психоаналитику хожу, такой специалист хороший, мне уже гораздо лучше...

– К психоаналитику? А зачем?

– Его муж оплатил, сказал, что мне нужно в себя прийти.

– Разве вы с ним видитеесь? – удивилась Мария.

– Да нет, – Инна отвела глаза, – просто некоторое время назад что-то мне так плохо стало... Я ему и написала.

– Что написала? – напряглась Мария. – Что хочешь жизнь

самоубийством покончить? Повеситься или утопиться?

– Насчет утопиться он бы не поверил, – слабо улыбнулась Инна, – знает, как я к воде отношусь.

Это была чистая правда – Инка с детства боялась воды. Максимум могла вытерпеть наполненную ванну. Даже в бассейне плохо ей становилось от страха, оттого и плавать не научилась. С мужем на море, конечно, ездила первое время, но сама рассказывала, что больше на берегу сидела, окунуться и то трудно было.

Мария слегка устыдилась. Ну что она Инку воспитывает? Взрослая женщина все-таки, сама разберется.

– Давай выпьем за то, чтобы все у нас было хорошо! – Подняла бокал и подмигнула подруге.

Та улыбнулась в ответ, и на миг Мария увидела перед собой прежнюю Инку – заводилу и хохотушку.

– Знаешь, этот Илья Семенович и правда на меня положительно влияет, сама чувствую, что гораздо спокойнее стала, уверенность появилась, настроение улучшилось. И главное – никаких таблеток, а то от них спать хочется и за руль нельзя.

«Неужели она на транквилизаторы подседа? – всерьез испугалась Мария. – Тогда и правда лучше душевительные беседы с психоаналитиком вести, тем более если муж оплачивает. А он, я так понимаю, что угодно оплатит, только бы она его сообщениями не забрасывала и не пугала, что повесится или отравится...»

– Не смотри так, – Инка снова прочла ее мысли, – знаю,

что отвратительно себя вела, но это в прошлом. Сеансы эти мне очень помогли!

– Давно к нему ходишь?

– Ну... два месяца уже.

Сказала таким тоном, что Мария поняла: гораздо дольше ходит. И денег этот Илья... как его там... наверняка берет немеряно. Ох, и хорошо, наверное, живут психоаналитики! Сиди себе в кабинете да слушай внимательно, как клиент на жизнь жалуется.

– Кстати, слушай, я тебе расскажу... – Инка блеснула глазами. – Случай интересный, тебе как писателю пригодится.

– Десерт будете? – подскочил официант. – Или только кофе?

От десерта Инна отказалась так категорически, что Мария не посмела возразить. Зато кофе заказала со сбитыми сливками.

– Ну, слушай, – начала Инна, – кабинет этого самого Ильи Семеновича находится в старом районе, угол Седьмой Советской и улицы Маяковского. Там дом такой большой, каменный, не элитный, сама понимаешь, но в порядке содержится, и во дворе можно спокойно машину поставить.

– Знаю, раньше этот район Песками назывался, – поддакнула Мария.

– Да? Ну, неважно. Офис – бывшая квартира, с ремонтом, конечно. В приемной помощница сидит... такая, знаешь, не слишком приятная дама, строгая. Наверное, с психоанали-

тиком они на контрасте работают. Он-то обаятельный, смотрит ласково, голос бархатный, сразу хочется ему всю душу раскрыть.

«Узнаю прежнюю Инку, – подумала Мария, – остра была на язычок. Значит, и правда этот Илья Семенович или как его там... помог ей справиться с депрессией».

– Ну вот, прихожу на прошлой неделе, назначено было к четырем, а я раньше пришла. Думала, пробки будут, но очень удачно проскочила. И до встречи еще полчаса. Захожу в приемную, там Ирина эта встречает меня с кислым видом.

У них, понимаешь ли, не принято, чтобы клиенты в приемной сталкивались, не дай бог кого-то узнают или услышат, о чем разговор. В общем, секретность блюдут строже, чем на исповеди. А тут я. Что делать, не выгонять же меня взащей, все-таки богатая клиентка. Помощница предложила мне кофе... Кстати, заваривать его она совершенно не умеет, ну ла ладно, я выпила из вежливости, да немного испачкалась. Пройшла в туалет, там коридор такой кишкой, потом заворачивает. Стала руки мыть, сняла кольцо, – Инна показала украшение с крупным бриллиантом, – и оно упало, закатилось под раковину...

Инна наклонилась, чтобы подобрать кольцо. Оно, как назло, закатилось в самый дальний угол под раковиной, так что ей пришлось стать на четвереньки. Хорошо хоть пол чистый. И когда она стояла в этой неудобной позе, рядом с ней

вдруг раздался такой знакомый бархатный, убедительный голос. Голос Ильи Семеновича.

Инна вздрогнула. В первый момент вообразила, что психоаналитик вошел в туалет и застал ее в таком унижительном положении. Неужели она не закрыла дверь?

Но потом осознала, что голос доносится снизу, из-под раковины.

Илья Семенович разговаривал с пациентом, сеанс которого был перед Инной.

– Вы ведь понимаете, – говорил он своим властным голосом, – вы понимаете, что никогда не были женаты? У вас есть неопровержимые доказательства... документы...

– Я понимаю, – отвечал пациент, словно оправдываясь, – но в то же время так хорошо ее помню, будто это было на самом деле. Помню ее голос, лицо, ее глаза... Так хорошо, так явственно помню, как будто мы прожили с ней много лет!

Инна догадалась, что голоса доносятся из-за вентиляционной решетки. Дом старый, раньше, наверное, на этаже было меньше квартир, потом все много раз перedelывали, перегораживали, оттого и сложности с вентиляцией.

Сначала она смутилась и подумала, что подслушивать нехорошо, особенно другого пациента, но, пока тянулась за злополучным кольцом, Илья Семенович снова заговорил:

– Но ведь ее не помнит никто, кроме вас. Вы должны принять как непреложный факт, что жена – это вымысел, фан-

том... реализация ваших мыслей и желаний.

– Она снится мне почти каждую ночь... Я так ясно вижу, как мы с ней гуляем по городу, только город какой-то другой, здесь, в Петербурге, я не могу найти тех мест.

– Вот это, скорее всего, и объясняет вашу навязчивую идею. Вы видите ее во сне – и подсознательно переносите сон в реальность, начинаете считать приснившуюся женщину своей несуществующей женой. То есть проецируете сон в реальную жизнь. Оттого и город кажется вам незнакомым, чужим, потому что это вымышленный город, его на самом деле никогда не было, он присутствует только в ваших фантазиях!

– Может, и так, но мне от этого не легче, – мужской голос был неуверенным и таким грустным, что Инне на мгновение стало его жалко. Надо же, бедолага, видит во сне жену, которой у него никогда не было! Чего только в жизни не бывает...

– Конечно, я мог бы провести сеанс гипноза, мог бы внушить вам, что жена – вымышленный образ, но я не хотел бы прибегать к такой сильной процедуре. Мне бы хотелось, чтобы вы сами смогли преодолеть свою навязчивую идею, осознать ее ложность... – Илья Семенович все говорил и говорил своим убедительным бархатным голосом, от которого Инну начало клонить в сон.

Она осознала себе стоящей на четвереньках под раковиной, нашарила наконец свою драгоценность и поднялась на ноги. В зеркале отражалась растрепанная личность со

смазанной помадой. Инна снова вымыла руки, надела кольцо, подкрасила губы и вошла в приемную... как раз, чтобы успеть увидеть предыдущего пациента.

Она вытянула шею, чтобы как следует его разглядеть.

С одной стороны, ей было неловко, что подслушала чужой сеанс, с другой – любопытно. Надо же, какие удивительные истории бывают! Человек придумал себе несуществующую жену! Вообще-то это уже клиника... И как его можно от этого вылечить? Впрочем, она ведь не специалист, возможно, психоаналитик сможет ему помочь.

Разглядеть пациента не получилось. Помощница тут же отвлекла ее пустяковым вопросом об оплате, причем посмотрела так неодобрительно, что Инна расстроилась. Надо же, не сумела скрыть интереса! Нехорошо. А если бы ее разговоры кто-то подслушивал? Может, сказать им про вентиляцию? Да нет, тогда придется признаваться, что она уши грела... Неудобно.

Вскоре Илья Семенович выглянул в холл, чтобы пригласить ее лично. Инна вошла в кабинет аналитика и забыла о подслушанном разговоре.

Следующий сеанс был через неделю.

Она снова пришла чуть раньше, и Илья Семенович еще работал с тем же, что и в прошлый раз, пациентом. То есть она так предположила, поскольку Ирина при первом посещении сразу предупредила ее, что запишет на определенное время и менять часы не следует, дескать, это мешает процес-

су лечения.

И, повинувшись неожиданному порыву, Инна снова отправилась в туалет. На этот раз сразу же присела под раковиной и подползла к вентиляционной решетке. И совесть ее не мучила, мучило только любопытство.

Послышался голос психоаналитика:

– Давайте еще раз поговорим о вашей жене.

На этот раз пациент ответил слабым полусонным голосом:

– Я не хочу... не хочу говорить о ней... Эти воспоминания... они только мои... но я так измучился, раз ее никогда не было, хочу забыть... забыть...

– Но это необходимо. Мы должны проговорить о ней, чтобы вы смогли освободиться. В противном случае эта травма останется с вами навсегда. – Илья Семенович ненадолго замолчал, потом начал считать: – Девять... восемь... семь...

Инна знала, он так считает, когда хочет ввести пациента в гипнотический транс. При этом пристально смотрит ему в глаза своими темными глубокими очами и раскачивает в руке серебряные карманные часы. Один раз он проводил такое с ней, сказал, это нужно для того, чтобы она освободилась от чувства вины из-за разрыва с мужем.

Тогда она согласилась, а теперь вдруг мелькнула мысль – какая вина? Это же муж ее бросил, а не она его...

– Шесть, пять, четыре... ваши веки становятся тяжелыми, вы засыпаете и не слышите ничего, кроме моего голоса... – Снова небольшая пауза. – Три... два... один...

Обратный отсчет закончился.

Инна сообразила, что Илья Семенович ввел пациента в транс.

– Расскажите мне о своей жене, какой она была? – теперь голос психоаналитика был твердым.

– Блондинка... У нее были длинные светлые волосы, такие легкие и пушистые... Я так любил гладить их...

– Нет, вы ошибаетесь. Она была темноволосая.

– Темноволосая... – послушно повторил пациент. – Темноволосая... но глаза у нее были голубые... небесно-голубые, они мне так нравились... Ее нежный взгляд...

– Вы опять ошибаетесь. У нее были темные глаза. Карие, очень выразительные. И темные брови...

– Карие глаза... – повторил пациент, – темные и выразительные. И темные брови...

– Вот теперь все правильно. Повторите еще раз, как выглядела ваша жена?

– Брюнетка с выразительными карими глазами и темными бровями...

– Да, теперь верно. И фигура, она была высокая и худощавая...

– Нет, она была чуть полновата, с нежной кожей...

– Это вам только кажется. На самом деле кожа у нее смуглая, как у многих брюнеток... И одежда, она любит одеваться ярко. Вы помните ее короткое малиновое пальто.

– Малиновое пальто...

Тут Инна услышала стук в дверь.

– Прошу прощения, у вас все в порядке? – донесся из коридора голос Ирины.

– Да, конечно... – Инна поднялась с колен и открыла дверь. – Что-то случилось?

– Ничего. Просто я подумала, что вам нехорошо... – Помощница окинула Инну внимательным взглядом, от которого, надо думать, не укрылось пятно на юбке.

Пятно было от размазавшейся штукатурки под раковиной, Инна заметила его позже, уже дома.

Сейчас же она прошла следом за Ириной и села на стул в приемной, выразительно поглядев на часы.

– Илья Семенович просит прощения за задержку, – Ирина верно поняла ее взгляд, – у него сложный пациент.

– Я понимаю. – Инна опустила глаза и вдруг, сама себе удивляясь, попросила: – Вы не могли бы принести мне чашку кофе? Что-то голова кружится, сегодня с утра слабость такая... – И она утомленно прислонилась к спинке кресла.

– Конечно-конечно! – Ирина вскочила с места и побежала в крошечное помещение, где была небольшая раковина, современная кофеварка и полка с посудой. Послышался шум воды и скрип дверцы шкафчика, тогда Инна осторожно встала и, стараясь не стучать каблуками, приблизилась к столу, где стоял компьютер Ирины, в надежде, что та, торопясь, не успела защитить его паролем.

Так и оказалось. На экране возник список сегодняшних

пациентов психоаналитика.

Вот она сама, записана на четыре часа дня, и отметка, что уже пришла, а вот на четырнадцать тридцать – тот самый мужчина, который думает, что был женат, а на самом деле никогда не был, – г-н Венедиктов. И, надо думать, если сама она записана как «г-жа Дроздова», то есть по своей настоящей фамилии, то и этот тип тоже под своей настоящей.

Не зная, зачем это делает, Инна достала телефон и сфотографировала все, что было на мониторе. Едва она успела отскочить и плюхнуться на стул, как Ирина принесла кофе.

Кофе был так себе, но Инна поблагодарила и сделала вид, что полегчало. Пациент все не выходил, и она стала размышлять, что вообще происходит.

Сегодняшний подслушанный разговор еще больше ее удивил.

В прошлый раз аналитик не хотел прибегать к гипнозу, а сейчас ввел пациента в транс. Но не это самое странное. На прошлом сеансе Илья Семенович убеждал пациента, что у него не было жены, теперь же говорил о ней как о существующем человеке.

И непонятно, зачем он внушал этому мужчине, что тот помнит свою жену не такой, какой она была?

Казалось бы, господин Венедиктов лучше должен помнить собственную жену... Ан нет, для чего-то доктору понадобилось превращать ее из блондинки в брюнетку. С другой стороны, возможно, у него такой метод.

Инне вдруг стало как-то неуютно. Что она вообще делает в этом офисе? Для чего сюда ходит? Муж оплатил сеансы, утверждал, что ей станет лучше...

Вряд ли ее состояние улучшится оттого, что какой-то посторонний мужчина станет копать у нее в голове. Хотя ничего интересного он там не найдет, но все же...

– Вот такая история, – закончила Инна и улыбнулась по-друге. – Интересно тебе, Манюня?

Мария порадовалась про себя: раз Инка вспомнила ее юношеское прозвище, стало быть, и правда ей лучше, ушла депрессия. Может быть, психоаналитик все же помог?

А что касается истории, рассказанной Инкой, то это ерунда какая-то. Психоаналитики эти... как-то не слишком Мария им верит. Морочат голову больному человеку, да и только.

Тем не менее она изобразила оживление.

– А что? Возможно, это завязка моего нового романа! С сюжетами сейчас туго, конкуренция опять же сильнейшая, все хотят писателями быть...

– Вот-вот. Пришлю тебе список пациентов, я же сфотографировала его, чтобы выяснить, кто этот человек, Вендиктов.

– Договорились. – Мария достала телефон и поглядела на часы – время поджимало.

– Я тебя задерживаю... – огорчилась Инна.

– Мне и правда пора уже. – Мария доела сахар, оставшийся на дне чашки.

Инна пила несладкий кофе.

– Я заплачу, – улыбнулась, – правда, Манюня, я так рада нашей встрече, спасибо тебе, что позвонила. Скоро увидимся!

На прощание подруги расцеловались.

«Какая у нее сухая кожа, – подумала Мария. – Надо же, аллергия... А говорят, после пятидесяти ее не бывает. Впрочем, нам пока меньше...»

Прошло несколько дней, Мария закрутилась с работой и издательством. По ее роману «Убийство на круизном лайнере» готовились снимать сериал, во всяком случае, переговоры с продюсером уже дошли до нужной стадии.

На преподавательской работе были небольшие неприятности – начальство не устраивало, что она работает на полставки, настоятельно рекомендовало взять полную нагрузку, и Мария с тоской прикидывала, как она со всем справится.

И в это трудное время ее настиг звонок Инны. Ясно, подруге нечего делать, теперь будет названивать с просьбами о встрече. Посидеть, поболтать, сходить куда-нибудь – на фитнес, в спа... куда там еще они ходят. Да она не то что в спа, в театре-то сто лет не была, ни на что времени нет!

Мария подавила в себе желание сбросить звонок – нет, так нельзя, все-таки когда-то они были близкими подругами.

– Слушаю! Привет! – Тщательно проследила, чтобы в голосе не прорвалась досада.

– Манюня, мне нужна твоя помощь... – голос у Инки был какой-то странный, – точнее, не помощь, а совет. Понимаешь, мне просто не к кому обратиться.

– Что случилось? Ты здорова? В аварию попала? – встревожилась Мария.

– Да нет, просто... Прямо не знаю, как начать... В общем, мне кажется, что за мной следят.

«Так, – подумала Мария, – у Инки глюки. Мания преследования в чистом виде. Стало быть, психоаналитик не помог, зря только деньги взял».

– Ты думаешь, я с ума схожу? – догадалась Инна по выразительному молчанию.

– Да нет, что ты... – привычно открестилась Мария. – Но с чего ты вообще это взяла?

– Видела синюю машину сегодня три раза...

«Мало ли в городе синих машин. Господи, да кому ты нужна, чтобы за тобой следить!»

– Вот и я думала, кому я нужна, – Инка снова читала Марию как раскрытую книгу, – ни с кем не общаюсь, никого не вижу, по телефону – и то только с тобой говорю...

Мария устыдилась. Как бы там ни было, а подруге плохо.

– Я в издательстве, с час, наверное, еще пробуду, а потом можем встретиться. Тут рядом кафе есть, «Буратино» называется. Так себе забегаловка, но уж извини, по ресторанам

ходить времени нет.

– За час как раз успею доехать из дома, хоть и пробки!

– Не опаздывай! – с этими словами Мария отключилась, потому что секретарь директора издательства выскочила в приемную со словами:

– Мария Владимировна! Где же вы? Арсений Георгиевич ждет!

Мария немного опоздала, потому что разговор с издателем затянулся, и готовилась уже оправдываться перед подругой, но, когда она вошла в «Буратино», той не было.

Неужели не дождалась ее? Неужели обиделась на ничтожное опоздание и ушла?

Это совсем не похоже на Инну, она никогда не была такой обидчивой. С другой стороны, у нее явно какие-то странности наблюдаются, мания преследования, придумала слезку какую-то...

– Людочка, меня никто не искал, не ждал? – спросила знакомую официантку.

– Кто? Мужчина? – оживилась та.

– Да нет, дама такая... интересная, одета хорошо.

Официантка глянула очень выразительно – мол, интересные, хорошо одетые дамы к нашему кафе и на пушечный выстрел не подходят, здесь только чокнутые писатели ошиваются. Рассеянные, растрепанные, вечно куда-то торопятся и чаевых не дают.

Мария села за тот же столик, куда садилась обычно, закачала кофе и набрала телефон Инны, но вместо ответа подруги услышала равнодушный механический голос: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Мария пожала плечами.

Если бы Инна передвигалась по городу на общественном транспорте, то все понятно: едет человек в метро. Но ведь она сказала, что поедет на машине... Забыла телефон зарядить? Что ж, бывает. Но тогда где она? Сама же просила о встрече!

Официантка принесла кофе. Мария взглянула на часы. Прошло уже полчаса с назначенного времени, за полтора часа можно из любого конца города добраться. Неужели Инка психанула и решила не ехать? А что, эти перепады настроения, депрессия, не зря бывший муж ее к психоаналитику определил. И что-то такое она про таблетки говорила...

Да пустое, тут же одернула себя, она же видела подругу буквально несколько дней назад, она вполне адекватна, уж Мария ее прекрасно знает.

Знала, поправилась она, ведь они не виделись лет десять. Мало ли как Инка могла измениться.

Люди не меняются, снова возразила она себе, то есть меняются, конечно, но...

То-то и оно.

Допустим, Инна больше не хочет с ней общаться. Так бы и сказала. Сама же жаловалась на одиночество, хотела еще раз

встретиться, поболтать о жизни. Допустим, передумала, нашла более интересное занятие – так послала бы сообщение, мол, не могу прийти, занята... Мария бы иначе использовала это время и ничуть не обиделась бы – уж чего-чего, а у нее дел хватает! Вот, кстати, время поджимает, нужно на пару успеть, студенты точно ждать не будут, если она опоздает.

Мария допила кофе и отправилась на занятия.

Но все же какой-то червячок смутного беспокойства в душе остался. Так что вечером, разделавшись с неотложными делами, она еще раз набрала телефон Инны. И снова услышала тот же самый ответ: «Телефон вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Беспокойство усилилось.

Мария написала Инне короткое сообщение: «Инка, сообщки, у тебя все в порядке? Ты не пришла на встречу, не отвечаешь на звонки, я беспокоюсь».

И через несколько минут телефон пискнул – пришло ответное сообщение. Номер на экране был тот самый, Инкин.

Мария облегченно вздохнула: значит, у нее все в порядке, может быть, она просто не может сейчас разговаривать... Ох и трудно с ней!

Она открыла сообщение и прочла: «Машенька, не беспокойся, у меня все в норме. Я улетела на Мольдивы, подпалась чрезвычайно удачная путевка, за пол цены. По завершение отпуска свяжусь с тобой. Инна».

Мария прочитала сообщение один раз, второй... Воз-

никло явственное ощущение, что это письмо – фальшивка. Фальшивка от первого до последнего слова. Написала его определенно не Инна.

Тому было несколько причин.

Если начать сначала, Инка никогда – ни в прошлом, ни в настоящем – не называла подругу Машей и уж тем более Машенькой. Только Манюней. И во время их последней встречи дала понять, что не забыла их старые прозвища.

Дальше. Инна вместе с Марией училась на филологическом факультете, и уж что-что, а грамотность у нее была абсолютная, она никогда не написала бы «полщены» в два слова, «в норме» – наоборот, в одно, не написала бы вместо «попалась» «подпалась», а «по завершении» через «е». Не говоря уж о вопиющих «чризвычайно» и «Мольдивы». Грамотной Инне такие ошибки просто резали бы глаз. Даже если бы она случайно опечаталась, не отправила бы сообщение в таком виде! Она бы его отредактировала!

И наконец, сама поездка на Мальдивы (хоть через «а», хоть через «о», да хоть бы через «ы») для Инны совершенно нереальна. Она ведь упомянула, что раздражение вызывает даже слабое северное солнце, что уж говорить о тропическом! Аллергия на ультрафиолет развилась на нервной почве, а водобоязнь и раньше была, уж это Мария помнит. Так что тогда на Мальдивах делать?

Значит, с Инкой что-то случилось. Наверняка попала в серьезные неприятности, внезапно поняла Мария. Иначе при-

шла бы сегодня на встречу. Сама же умоляла... И голос был какой-то странный... Испуганный, сообразила Мария. Вот именно, Инка была напугана!

Они не встречались много лет, могли не встретиться еще столько же, и тогда Мария знать не знала бы о ее делах. Но, так или иначе, они встретились, и Инка поведала ей о своей жизни.

И из этого рассказа Мария поняла, что подруга ужасно одинока, что после развода у нее никого не осталось, с кем можно поделиться своими проблемами, кому можно излить душу. А также никого, кто стал бы беспокоиться о ней в случае серьезных неприятностей, никого, кто стал бы ее искать...

Значит, ей, Марии, самой придется искать старую подругу!

К сожалению, она не может обратиться в полицию – там с ней не станут разговаривать, не возьмут заявление. Во-первых, потому что такие заявления принимают только от близких родственников, а она Инке никто, даже не дальняя родня. Дружили когда-то, и все. Давнюю дружбу к делу не подошьешь.

Во-вторых, с момента исчезновения Инны прошло слишком мало времени, а заявления о пропаже человека принимают только на второй или третий день. Да и вообще неизвестно, пропала ли она. Подумаешь, не отвечает на звонки!

Тем более ответила же, написала сообщение. А то, что оно

совсем не в ее духе, это ведь она, Мария, понимает, а тот, кто не знал Инну, только пожмет плечами.

Мария бегала по комнате, обхватив себя за плечи. Что делать, вот что делать?

К счастью, у нее появился один знакомый в полиции, с которым она завела дружбу во время недавних событий¹.

Это был интересный брюнэт лет сорока, с густыми бровями и выразительными темными глазами. Звали его Армен Степанович, и был он, как говорится, настоящий полковник. И у Марии с ним сложились очень теплые отношения. Просто дружеские, но так даже лучше, чтобы никаких недомолвок.

Так что в этой сложной ситуации Мария решила к нему обратиться. Однако, взглянув на часы, решила, что разговор следует отложить на завтра.

Утром, к счастью, занятий у нее не было, так что, с тоской посмотрев на компьютер, где скучали несколько страниц ее нового романа, Мария набрала номер «настоящего полковника».

Инкин телефон по-прежнему утверждал, что выключен. Какая уж тут работа, если в голове страшные картины...

Армен Степанович звонку ее обрадовался, но выслушал весьма скептически и высказал ей те же сомнения, о которых она и сама размышляла: что с момента исчезновения Инны прошло слишком мало времени и что нет серьезных основа-

¹ Читайте роман Н. Александровой «Роковая монета».

ний за нее беспокоиться...

Марию, однако, его аргументы ничуть не убедили, и именно потому, что она и сама себе их уже приводила.

Она рассказала Армену о вопиющих ошибках в письме, которых никогда не допустила бы женщина с филологическим образованием, а также о раздражении от солнца и про водобоязнь тоже присовокупила.

Дальше Армен Степанович слушал внимательно. Он знал, что Мария – женщина серьезная и не станет поднимать панику на пустом месте, и под конец пообещал навести справки по своей линии.

– Справки? Какие справки?

– В первую очередь узнать, нет ли в городских больницах женщин подходящего возраста и типа в бессознательном состоянии и без документов и, уж извини... нет ли в моргах неопознанных женских трупов.

– Трупов?.. – испуганно переспросила Мария.

– Ну а что ты думала? В большинстве случаев пропавшие без вести люди становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий. Может быть, твою подругу сбила машина, и водитель скрылся с места происшествия...

– Но кто тогда отправил сообщение с ее телефона?

– Вот чего не знаю – того не знаю!

Армен Степанович не обманул: он действительно сделал все нужные запросы и уже через час сообщил Марии, что в морге Митрофаньевской больницы находится неопознанный

женский труп подходящего возраста и внешности.

Мария схватилась за сердце и застонала в голос.

– Ну не переживай ты раньше времени, – смущенно проговорил полковник, – может, это не она.

– Спасибо тебе, конечно... – промямлила Мария.

– Не за что, но заехать за тобой не могу, у меня важное совещание. Может, машину прислать?

– Не нужно, – опомнилась Мария, – я уж сама как-нибудь, чай не девочка пятнадцати лет.

Армен Степанович промолчал, но подумал, что девочки пятнадцати лет явно лучше перенесли бы то, что предстоит интеллигентной писательнице. Хотя не все конечно.

Мария бросилась в больницу и через сорок минут вошла в холодное и пропахшее формалином помещение мертвецкой.

Ее встретил не рядовой санитар, а главный патологоанатом, дядечка средних лет с острой бородкой, в аккуратно накрахмаленном белоснежном халате.

– Нам звонил Армен Степанович, – сообщил он Марии, – просил оказать вам всяческое содействие. Но мы и сами заинтересованы в том, чтобы опознать этот труп! Пойдемте со мной...

Они вошли в просторный зал, по стенам которого были расположены морозильные ячейки хранилища трупов. Марии было страшно, с огромным трудом она взяла себя в руки.

Патологоанатом позвал дежурного санитаря и велел ему

показать поступившую сегодня пациентку.

Санитар, от которого разило убийственным букетом из формалина и неразбавленного спирта, лихим движением открыл одну из ячеек и выдвинул каталку, затем жестом циркового фокусника сбросил с нее простыню.

– Вот она, ваша знакомая! Вы ее опознаете?

– Это... это не она! – воскликнула Мария со смесью брезгливости и облегчения.

– Как не она? Должна быть она! – с апломбом заявил санитар. – В соответствии с документами!

Патологоанатом строго на него прикрикнул:

– Я вас, Козлов, уже неоднократно предупреждал – если и дальше будете пить в рабочее время, нам придется расстаться!

– Кто – пить? Я – пить?! Да я ни в одном глазу! Да я как стеклышко! А если даже немножко принял, так только от холода и от исключительно тяжелых условий работы! И, несмотря на это, исполняю свои обязанности в соответствии!

– Это так ты исполняешь обязанности? Да ты хоть посмотри, кого предъявил для опознания!

– Как кого? Пациента номер сто девяносто шесть...

– Ты не на номер, ты на самого пациента посмотри!

Санитар взглянул на каталку и смущенно кашлянул.

На ней лежал пожилой бомж, до самых глаз заросший густой черной бородой.

– Ох, извиняюсь, действительно маленько перепутал...

это, значит, не сто девяносто шесть, а сто шестьдесят девять...

Санитар закатил бомжа обратно и выкатил другую ячею.

Когда он сбросил простыню, Мария охнула – перед ней была Инна. Как только этот факт дошел до ее сознания, она аккуратно осела на руки подскочившего патолога.

– Ну вот, я так и знал, – вздохнул он. – А Армен за нее ручался, говорил, что ей не впервой, умеет себя в руках держать. Эй, дама, очнитесь уже!

– Да я ничего, – слабым голосом отозвалась она, – просто ноги не держат.

Санитар Козлов ловко подпихнул под нее ледяной пластмассовый стул, Мария вздохнула и посмотрела на тело.

На лице старой подруги были многочисленные ссадины и кровоподтеки, и оно было искажено ужасом – но это, без сомнений, была Инна.

– Да, это она... – проговорила Мария, справившись с волнением.

Патологоанатом записал в журнал имя и фамилию погибшей.

– Спасибо вам за содействие. Теперь мы установили ее личность и можем сообщить ее родственникам.

– Да как раз родственников у нее нет, – грустно вздохнула Мария. – Есть только муж, да и то бывший. Но ему, наверное, нужно об этом сообщить. – Она немного подумала и

спросила: – А что известно об обстоятельствах ее смерти?

Врач сверился со своими записями.

– Нашел ее мужчина, который утром выгуливал собаку на пустыре возле Витебского проспекта. Собственно, нашла собака и стала выть, как по покойнику... то есть именно по покойнику. Судя по положению тела и характеру травм, ее очень сильно ударила проезжавшая машина. Удар был такой силы, что тело отбросило на пустырь.

– А время смерти удалось установить?

– Разумеется... Судя по состоянию тела, смерть наступила рано утром или в самом конце ночи – от трех часов до пяти.

– А машина?

– Машина скрылась с места происшествия. Удар, как я уже сказал, был очень сильным, так что на машине, несомненно, должен был остаться заметный след. Но в городе много умельцев, которые могут такую вмятину устранить и полиции ничего не сообщат. Так что вряд ли мы найдем виновника этого ДТП.

– Или не ДТП... – тихо проговорила Мария.

– Как не ДТП? – переспросил доктор, у которого был очень хороший слух.

– Не обращайтесь внимания, просто мысли...

На самом деле Мария не сомневалась, что Инну убили.

Во-первых, что она делала ночью или рано утром на Витебском проспекте, далеко от своего дома? Да еще пешком шла... какая женщина ночью сунется в этот район в одиноч-

ку? Максимум на машине поедет, да и то страшно.

А во-вторых, кто послал Марии сообщение от ее имени?

– Сумочки при ней не было? – спросила она патолога, хотя и так догадывалась, каким будет ответ.

– Сумку могла случайная шпана унести, – встрял санитар, – судя по одежде, дама обеспеченная, стало быть, и сумка дорогая... и деньги в ней были...

«А машина куда делась?» – Мария едва удержалась, чтобы не произнести это вслух.

Патологоанатом, не скрываясь, взглянул на часы, он и так из уважения к Армену Степановичу потратил на посетительницу много времени.

– Пойдемте, я вас провожу! – предложил.

По дороге Мария спросила, если ли надежда на то, что смерть Инны расследуют.

– Если честно, то нет, – сказал доктор, – наезд – дело долгое. Никого не найдут.

«Никакой это не наезд», – упрямо подумала Мария.

Два последующих дня она маялась, не находя себе места, все валилось из рук. И совесть мучила. Она помнила свое раздражение на последний звонок Инки – дескать, богатенькая дама не знает, чем себя занять, вот и мерещится ей всякое. Нам бы ее заботы!

На этом месте Мария прятала лицо в ладони и стонала в голос. Хорошо, что выпали выходные и в университете не

было занятий.

К понедельнику Мария созрела. Уже знала, кто может ей помочь. Утром перед работой набрала номер телефона.

– Надя? Это ты?

– Я, а кто же еще, – удивились на том конце, – если ты по моему номеру звонишь.

– Надежда, ты мне очень нужна, просто необходима! Есть для тебя дело! – твердо сказала Мария. – Причем срочное.

– Угу, – хмыкнули в трубку, – у тебя всегда срочное. Ты иначе не умеешь.

– Я не шучу, Надя, это серьезно! У меня подругу убили!

– Ты зачем такие вещи по телефону говоришь? – прошипела Надежда. – А вдруг у меня громкая связь включена? И муж все услышит!

– Сегодня понедельник, муж твой давно на работу уехал, – отмахнулась Мария, – а ты дома сидишь.

– И вовсе не дома, – обиделась Надежда, – а в магазине.

– Короче, когда встретимся? Найдется у тебя время сегодня? Уж будь так добра, не откажи в любезности, найди в своем напряженном графике место для старой подруги.

– Найдется... – нехотя ответила Надежда Николаевна Лебедева, старинная знакомая, с которой вместе съели не один пуд соли, а несколько месяцев назад даже распутали одно дело с убийством².

И вовсе незачем было Машке ехидничать, сама же тогда

² Читайте роман Н. Александровой «Роковая монета».

заявила, что Надежда очень ей помогла. Да и Надежда знала, что не ударила в грязь лицом. А у Марии тогда все наладилось, наступила в судьбе хорошая полоса – и роман получился отличный, и в личной жизни вроде прогресс наметился.

Мария, кстати, хотела роман Надежде посвятить, та с трудом ее отговорила. Ну ничего Машка не соображает – ведь найдет Надеждин муж у нее книжку эту, прочтет и заинтересуется – это почему же подруга тебе роман посвящает? Вот тут одна дама в героинях ходит, частный детектив, как-то очень на тебя смахивает. И внешность подходит, и словечки некоторые твои у нее в лексиконе встречаются. Так, может, это ты ей в расследовании убийства помогала?

Надежда, конечно, станет все отрицать, но муж у нее – человек умный и проницательный, так что вполне способен вывести ее на чистую воду. А вот этого Надежда никак не может допустить.

Надежда Николаевна Лебедева, приличная интеллигентная дама средних, скажем так, лет, имела очень необычное хобби: она просто обожала разгадывать всевозможные криминальные загадки и преступления. И было такое ощущение, что преступления эти находили ее сами.

Обычный человек прошел бы мимо и ничего не заметил, в то время как Надежда обязательно во что-нибудь вмешается по принципу «найдет свинья грязи», как высказался когда-то в сердцах ее муж Сан Саныч.

Да, с мужем были серьезные проблемы. Он очень не одоб-

рял такие занятия своей половинки. Он-то надеялся, что после увольнения с работы по сокращению штатов Надежда будет сидеть дома, готовить ему вкусные и полезные блюда и присматривать за котом.

Не то чтобы Надежда не любила готовить, да и к мужу относилась очень заботливо, но через некоторое время ей стало безумно скучно. Нечем было занять голову, и времени свободного оказалось достаточно (разумеется, если не сидеть перед телевизором, не зависать в социальных сетях и часами не болтать с подружками по телефону). И она дала себе волю в разгадывании криминальных загадок. Но сначала была не очень осторожна, и муж кое-что узнал...

Ох, до сих пор Надежда вздрагивает, когда вспоминает, что устроил ее выдержанный, воспитанный спокойный муж. Был грандиозный скандал, после чего Надежда приняла мудрое решение ничего супругу не рассказывать. И тщательно следила, чтобы не проговориться.

И все было бы хорошо, если бы со временем не пошли слухи по знакомым. И то сказать, Надежда Николаевна была женщиной общительной, имела множество друзей детства и юности, а также бывших коллег по работе. И многим помогала, если те попадали в сложные ситуации.

Так что известность ее настигла, и тогда она строго-настрого наказала подругам, чтобы помалкивали, обещая в противном случае рассориться навсегда.

Не очень-то помогло.

И теперь Мария, неправильно интерпретировав ее молчание, тут же повинулась:

– Прости, что отрываю тебя от дел, но мне правда нужна твоя помощь... Не к кому больше обратиться!

– Да расслабься ты! – перебила ее Надежда. – Разумеется, встретимся, раз все так серьезно.

Условились на сегодня.

Надежда занесла домой сумки с продуктами, наскоро провела воспитательную беседу с рыжим котом, который очень оживился при виде килограммового пакета фарша, и ушла из дома навстречу новым приключениям.

На улице шел осенний дождь – мелкий, унылый и долгий, но настроение у нее было боевое. Что опять у Машки случилось? Не женщина, а ходячее недоразумение, вечно притягивает к себе всевозможные приключения.

Не зря психологи утверждают, что люди замечают в ближних прежде всего те недостатки, которые свойственны им самим.

Мария уже ждала ее за столиком небольшого ресторана на Университетской набережной и нетерпеливо махала рукой, хотя Надежда опоздала всего на пять минут.

– Привет, у меня занятия через полтора часа, так что не будем тянуть резину, быстро заказывай что-нибудь!

Надежда пригляделась к приятельнице и про себя отметила, что выглядит Машка не блестяще. Нет, по сравнению с

прошлым разом и стрижка у нее более модная, и гардеробчик сменила, но вот глаза беспокойные какие-то, сама нервная, суетливая...

– Ладно, рассказывай! – велела, когда официантка отошла от них с заказом. – Только коротко, не толки воду в ступе.

Рассказ получился все равно долгим, дамы уже и салаты съели, и рыбу запеченную, и кофе выпили. Вопросы Надежда не задавала, чтобы не отвлекать Марию от сути.

– Вот и все, – та перевела дух, – как увидела я ее там, в морге, так до сих пор в себя прийти не могу, все из рук валится. К роману новому вообще не подходила, на занятиях путаюсь, студенты только что пальцем у виска не вертят. С деканом отношения натянутые, ему наши бабы накапали, что я романы пишу. Он и говорит: если вы, Мария Владимировна, с работой не справляетесь, может быть, вам лучше в писательницы переквалифицироваться? А сам смотрит этак с ехидцей, дескать, что ты там накропать можешь, ерунду какую-то, тоже мне, романистка нашлась. Агата Кристи и Мэри Хиггинс Кларк в одном флаконе!

– Может, он просто детективы не любит...

– Да он вообще книг не читает! А в издательстве свои проблемы. Представляешь, встречалась я с продюсером сериала, так он выслушал мои пожелания и процедил через губу, что раз я права продала, то никаких претензий не должна иметь. Они сами решат, кого брать на главные роли, и сценарий тоже сами будут писать, то есть специального человека

для этого наймут.

– Ну так тебе хлопот меньше! Пиши себе романы свои...

– Ты права, конечно, дело не в этом... – Мария поникла головой. – Просто меня совесть мучает из-за Инки. Мы ведь в юности так дружили... В общем, Надя, можно что-то сделать?

– А полковник твой с армянской фамилией... У вас вроде бы даже роман намечался...

– Насчет романа ничего не вышло, да я и не жалею, – отмахнулась Мария. – Но он, что мог, уже сделал и дал мне понять, что ничего больше не светит. Поскольку это не его участок, да и наезд – дело дохлое. А что сообщение не в ее духе – это вообще не доказательство... Ты что пишешь?

– Значит, вы с ней должны были встретиться...

– В два часа дня в прошлый четверг.

– Она не пришла, а вечером того же дня ты получила от нее сообщение.

– В двадцать один пятнадцать, – уточнила Мария, поглядев на экран мобильного. – Но это не она писала...

– А на следующий день ее нашли черт-те где, и врач определил время смерти...

– От трех до пяти утра!

– Значит, надо выяснить, что она делала с часу дня четверга до трех часов ночи прошлой пятницы!

– И ты можешь это сделать?

– Попробую. Автомобиль у нее какой?

– А я и не знаю... она тогда без машины была, мы вина выпили...

– Не реви, – строго сказала Надежда, – тебе к студентам идти, сама говорила, что они уже смеются. Ну хоть фамилию ее знаешь и год рождения?

– Конечно! Дроздова Инна Михайловна, а год рождения у нас один и тот же. Но могу у Армена спросить, у них база данных есть.

– Такая база данных у меня самой есть, – отмахнулась Надежда, – я за пять минут выясню, где она жила и на какой машине ездила... Ладно, пора мне, дома дел невпроворот, Саша обещал сегодня пораньше прийти. Пока-пока, держись, не раскисай, самое страшное с твоей подругой уже случилось, чего уж теперь...

На следующее утро Надежда подошла к мрачному шестиэтажному кирпичному дому, обошла его с торца и остановилась перед железной дверью. Над дверью была камера, непосредственно на ней – кнопка звонка.

Надежда помнила, что кодовым звонком для входа является знаменитая тема Вагнера «Полет валькирий», и попыталась изобразить эту мелодию, нажимая пальцем на звонок.

Из динамика донесся недовольный хриплый голос:

– И ничуть не похоже! Кого там черти принесли?

– Доставка орехового печенья и шоколадных вафель! – Надежда знала, чем можно затронуть сердце здешнего оби-

тателя, точнее его желудок.

Замок щелкнул, дверь открылась. За ней была лестница, уходящая в подвал.

Надежда спустилась по ступеням и оказалась в большом помещении без окон, заставленном серверами, компьютерами и прочим электронным оборудованием неизвестного Надежде назначения.

В центре помещения в компьютерном кресле с подранной обивкой сидел, уставившись в огромный монитор, молодой человек в несвежей черной футболке необъятного размера и линялых шортах.

Этот молодой человек был толстым, рыхлым и неопрятным. Образ довершали длинные сальные волосы и жидкая клочковатая борода. Звали его Боб, и он был подлинным компьютерным гением.

Надежду Николаевну с ним познакомил ее сосед Димка, которому она неоднократно помогала подтянуть школьную математику.

– Привет, Боб! – поздоровалась Надежда. – Смотрю, ты с прошлого раза отсюда не выходил. Даже футболку не менял.

Боб оторвался от монитора, покосился на гостью.

– А чего ее менять? Она же черная, на ней грязь не видна.

– Но запах!

– А, это вы... Вы тетя Димона... и вы мне как-то принесли очень вкусный пирог с абрикосами.

– Надо же, пирог запомнил! – улыбнулась Надежда. – А

вот поздороваться забыл. И Димону я не тетя, а соседка.

– Ну, здравствуйте, не тетя. Принесли еще пирога?

– Пирога сегодня нет.

– А зачем тогда вы пришли?

– Пирога нет. Но есть ореховое печенье, вафли и конфеты.

– На худой конец тоже сойдет. Давайте!

– Э, нет! Сначала работа, потом гонорар.

– Согласен. Но требую хотя бы небольшой аванс, чтобы лучше работалось.

– Ладно, так и быть.

Надежда вручила Бобу небольшой пакетик печенья, тот захрустел им и снисходительно спросил:

– Так чего вам нужно?

– Можешь подключиться к камерам видеонаблюдения?

– Смотря к каким. Если камера подключена к сети, у которой есть выход в интернет, – то запросто.

– Для начала хорошо бы найти изображение вот в этом месте... – Надежда показала парню адрес Инны Дроздовой.

Боб развернулся к компьютеру и замолотил пальцами по клавиатуре.

Через некоторое время он повернулся к Надежде и сообщил:

– Тут во дворе живет один продвинутый чувак, который вывел изображение с камер наблюдения на смартфон, чтобы следить за своей машиной. Я подключился к его смартфону и теперь могу видеть все, что там происходит.

– А что происходило в другой день, к примеру, в прошлый четверг?

– Запросто.

Надежда назвала ему время, когда Инна должна была выехать на встречу с Марией. Боб промотал изображение до нужного момента, и они увидели элегантную женщину, вполне подходящую под описание Инны Дроздовой, которая вышла из подъезда и села в ярко-красную «Мазду».

– Отлично! На встречу она выехала вовремя. Теперь хорошо бы выяснить, приехала ли на место.

Боб нашел на плане города кафе, где женщины должны были встретиться, и озабоченно проговорил:

– Около кафе камер нет...

– Надо же, как неудачно...

– Да подождите. Я сказал, что их нет около кафе. Но рядом находится ювелирный магазин, там непременно должна быть... Да вот же она!

Боб вывел на экран изображение с очередной камеры и просмотрел его в ускоренном режиме.

Ни красная «Мазда», ни сама Инна в нужный промежуток времени возле кафе не появились.

– Значит, она выехала из дома, но до места встречи не доехала. Так я примерно и думала... А можем мы выяснить, где она пропала?

– В принципе да, но это будет немного сложнее – нужно подключиться к системе дорожной полиции.

– А ты можешь?

– Обижаете! Конечно, могу. Но у меня кончилось топливо, а на пустом баке я не езжу.

Надежда поняла намек и протянула Бобу очередную порцию. Он захрустел печеньем и застучал по клавиатуре.

– Вот она, наша «Мазда», – проговорил наконец. – Выехала на Московский проспект... так... свернула на Серпуховскую улицу, чтобы объехать пробку... ага, снова свернула, теперь в Короткий переулочок...

– А как он называется, этот короткий переулочок?

– Так и называется. Короткий – это название.

– А потом куда?

– Опа! А потом никуда.

– То есть как?

– А так. Из этого переулочка красная «Мазда» не выехала.

– Туда въехала, а оттуда – не выехала?

– Именно так!

Надежда внимательно просмотрела запись с камеры и убедилась, что красная машина действительно не появилась на выезде из переулочка. А также не появилась там и Инна. Или какая-нибудь женщина, хоть отдаленно на нее похожая. Если честно, вообще никого не было. Машины изредка проезжали, а пешком никто не проходил.

Боб выразительно посмотрел на нее и сказал:

– Больше я вам ничем помочь не могу, так что попрошу произвести окончательный расчет.

Надежда Николаевна отдала ему остатки печенья и прочие сладости и отправилась к станции метро «Технологический институт», возле которой красная машина Инны Дроздовой окончательно исчезла с поля зрения камер.

Машины не исчезают просто так, это же реальная, настоящая жизнь, а не голливудский кинофильм. Женщину похитить можно, но где тогда машина? И Надежда этот вопрос обязательно прояснит.

Она прошла по Серпуховской улице, свернула в переулок, который и впрямь назывался Коротким и вполне соответствовал своему названию.

Переулок был не только коротким, но и почти безлюдным. Почти – потому что один человек там все же присутствовал. Это был бомж, персонаж неопределенного возраста, одетый в несколько слоев теплых кофт и курток. Он кормил колбасными обрезками красивого рыжего кота и беседовал с ним о высоком.

– Ты понимаешь, Мурзик, в наше время духовность в людях встречается все реже и реже! Никого теперь не интересуют проблемы экологии, демографии, охраны окружающей среды... Вот я попробовал поговорить об этом с нашим участковым Сергеичем, так он меня и слушать не стал! Какая, говорит, окружающая среда, когда вокруг один непрерывный понедельник?

Судя по богатому словарному запасу, бомж в прошлом

был человеком умственного труда, что не мешало ему стать довольно-таки грязным и запущенным.

Надежда вздохнула и подумала, что правильно сделала, одевшись утром попроще, поскольку у Боба в его так называемом офисе тоже не больно чисто. И сейчас она мужественно подошла к бомжу, деликатно кашлянула и проговорила уважительным тоном:

– Простите, что прерываю вашу увлекательную беседу, но у меня к вам несколько вопросов.

– Вопросов? – Мужик повернулся к ней. – Я всегда открыт для любых вопросов, особенно если вы, в свою очередь, рассмотрите вопрос скромного материального поощрения. Нам с Мурзиком немного нужно, но все же какой-то минимум...

Кот сел статуэткой, обернув лапы хвостом, и взглянул умильно.

– Будет вам поощрение! – Надежда протянула бомжу купюру, которую тот деликатно принял, переглянувшись с котом, и спрятал в один из многочисленных карманов.

– Итак, какие вопросы вас интересуют?

– Вы ведь здесь все время ошиваетесь? То есть находитесь? То есть пребываете?

– Практически непрерывно. Как говорится, без выходных. Двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. За вычетом ежегодного неоплачиваемого отпуска.

– И в четверг вы здесь были?

Бомж взглянул на кота, словно ждал от него подсказки,

снова повернулся к Надежде и кивнул:

– И в четверг. Мурзик вам подтвердит.

– Отлично. А не видели ли вы ярко-красную машину и вот эту женщину? – Надежда показала фотографию Инны Дроздовой, которую прислала ей Мария.

Они тогда, в ресторане, сфотографировались вместе. На память...

Бомж аккуратно взял снимок, внимательно рассмотрел его, сел на корточки и показал коту. Затем выпрямился, отдал фото Надежде и наконец кивнул:

– Видели. И машину, и женщину. Только она в верхней одежде была. Пальто длинное... цвет зеленый, то есть не совсем зеленый, а как будто листва осенью пожухла...

– Точно, ее пальто! И что же конкретно вы видели?

Мужик снова переглянулся с котом, перевел дыхание.

– Значит, так. В тринадцать часов двадцать шесть минут из-за угла выехала красная «Мазда»...

– Красная «Мазда», – повторила Надежда, удивленная точностью показаний.

– Совершенно верно, «Мазда». Мы с Мурзиком разбираемся в машинах. Номер мы с Мурзиком не разглядели, потому как находились в дальнем конце переулка и под неудобным для наблюдения углом...

– Постойте, а откуда вы так точно знаете, в какое время это произошло? Именно в тринадцать двадцать шесть, ни минутой раньше или позже?

– Именно в тринадцать двадцать шесть! – убежденно повторил бомж. – Я когда-то, в другой жизни, работал редактором на радио и должен был четко хронометрировать прямой эфир. И у меня в организме есть такие внутренние часы. Можете спросить меня в любое время дня и ночи, который час – и я вам отвечу с точностью до минуты. Даже точнее. Вот сейчас, например, одиннадцать часов тринадцать минут и двадцать четыре секунды... уже двадцать пять...

Надежда взглянула на свои часы.

– Одиннадцать пятнадцать. Но все равно очень точно. Просто удивительно.

– Ваши часы спешат! – перебил ее бомж. – Сейчас одиннадцать четырнадцать, и не больше! Заявляю это совершенно ответственно! Можете не сомневаться!

– Надо же, какое удивительное свойство! Значит, красная «Мазда» выехала из-за угла в тринадцать двадцать шесть... а что было дальше?

– О, дальше! Дальше началось такое... – Бомж взглянул на кота, призывая его в свидетели, и продолжил: – Прямо перед машиной на тротуар выбежала женщина... Она упала, красная «Мазда» затормозила, и дама, которая была за рулем – та самая, чью фотографию вы нам показывали, – выскочила из авто и подбежала к той шатенке...

– К шатенке?

– Ну да, к той, которая бросилась под ее машину. Цвет волос такой... каштановый, и стрижка короткая. А я, знае-

те ли, не люблю женщин с короткими стрижками, потому и запомнил.

Надежда поскорей опустила глаза и сжала губы, чтобы не прыснуть. Надо же, не любит женщин с короткой стрижкой! Как говорится, всюду жизнь...

– И что дальше?

– Эта ваша знакомая наклонилась к упавшей и вскрикнула: «Что с вами, вам плохо?» Тут каштанка, то есть шатенка, вскочила, схватила ее за руку и потащила к другой машине.

– К другой? Значит, была еще одна машина?

– Ну да, синяя «Хонда»... Дама сопротивлялась, кричала даже, но тут из авто выскочил мужчина, что-то с ней сделал, отчего она обмякла и замолчала. А эти двое затащили вашу знакомую в «Хонду» и уехали.

– Номер «Хонды» вы, конечно, не разглядели?

– Вот чего нет, того нет, уж извините... Мурзик тоже, к сожалению, не разглядел...

Сердечно распроставшись с умным бомжом, Надежда позвонила Марии.

– Есть новости?

– Да уж какие теперь новости, – вздохнула Надежда, – точно выяснила, что похитили твою подругу, знаю даже, в каком месте. А вот куда отвезли... И главное, зачем? Кому она мешала, скажи пожалуйста? Сама говорила, что ни с кем она не общалась, на мужа бывшего думать глупо, потому как он

первый подозреваемый будет...

– И Армен мне то же самое сказал. А я вот все думаю насчет того психоаналитика. Инка ведь только к нему ходила. И странный разговор там подслушала случайно, еще говорила, что мне пригодится для детектива...

– Опять ты носом хлюпаешь. Прекрати уже!

– Жалко ее... Кстати, насчет той бабы, что похитила Инку. Она говорила, что в приемной у Ильи Семеновича сидит помощница, звать Ириной, очень неприятная такая тетка, стрижка короткая, губы тонкие...

– По всему получается, что нужно к этому самому психоаналитику идти...

– Надежда, не вздумай! Если у него там дело нечисто, не хочу еще одну подругу потерять! Ой, извини, что-то я не то болтаю...

– Да расслабься ты! – с досадой сказала Надежда. – Я же не собираюсь прямо к нему в кабинет переться и вопрос в лоб задавать: а не вы ли, уважаемый, похитили вашу пациентку? Тем более что это не он сам, наверняка у него помощники есть. Но вот сама посудите: Инна подслушала два разговора на сеансах, так? И больше ничего. Там какой-то странный тип лечится, говорит, что видит во сне жену, которой у него никогда не было, так?

– Ну, псих просто!

– А этот, с позволения сказать, доктор, вместо того чтобы ему мозги вправлять, нарочно жену, которой нет, по-друго-

му описывает! То есть еще больше его запутывает.

– Тем более не нужно тебе туда ходить, черт знает, что у них там за притон!

– Да ладно. Для начала произведем разведку боем, соберем информацию. Перекинь мне список пациентов, что тебе Инна на телефон послала...

Через пять минут, глядя на экран телефона, Надежда выяснила, что каждый раз по четвергам перед Инной Дроздовой приходил Кирилл Венедиктов, а перед ним – Наталья Мизинцева. Кроме этих троих, по четвергам не приходил никто, все же психоаналитик – не участковый терапевт, к нему очередь не сидит.

Надежда наморщила лоб, вспоминая, где она могла слышать фамилию Мизинцева. В голове всплыло что-то, связанное с телевизором. Можно было бы, конечно, сунуться к соседке Антонине Васильевне, которая все досконально знала про сериалы, но это надолго, так что Надежда выбрала наиболее простой путь, то есть обратилась к интернету.

И точно, Наталья Мизинцева была актрисой, но в последнее время не снималась, потому что возраст был уже весьма и весьма приличным, у некоторых это старостью называется. Не у всех, конечно, кому как повезет.

Надежда прочла обо всех фильмах и сериалах, где играла Мизинцева, постаралась запомнить и решила, что подготовилась достаточно.

После этого она набрала номер телефона кабинета психо-

аналитика, который по счастливой случайности был помещен над списком пациентов, сфотографированным Инной, и записалась на прием на пятницу. Предлагали на среду или на четверг, но Надежда отговорила занятостью.

В четверг Надежда долго собиралась, пристально разглядывая себя в зеркале, надела самое приличное свое пальто и взяла дорогую итальянскую сумку, подарок дочери. После чего решила, что сделала все, что могла, и через сорок минут вошла в приемную психологика.

Это была большая светлая комната, выдержанная в нейтральных и успокаивающих серо-бежевых тонах. Напротив входа, слева от двери в кабинет психологика, стоял большой стеклянный куб, наполненный водой или какой-то другой жидкостью, в которой медленно всплывали разноцветные пузырьки.

В аквариуме по другую сторону от двери плавали несколько крупных рыб с огромными челюстями – наверное, это были пираньи.

Рядом с аквариумом за бежевым компьютерным столом сидела коротко стриженная шатенка с узкими ярко-красными губами и хищными чертами лица, отдаленно напоминающими тех самых пираний. Судя по всему, это была та самая Ирина, о которой говорила Инна Дроздова, – секретарша, или, как она предпочитала себя называть, помощник психологика.

Надежда вспомнила, как поморщился старый бомж, сказав, что терпеть не может женщин с короткой стрижкой, и подумала, что дело даже не в стрижке, а в неприятном выражении лица. С таким не то что в приемной дорогого врача сидеть, а только из окна регистратуры участковой поликлиники облаивать!

Тем не менее, войдя в приемную, Надежда приветливо улыбнулась и проговорила:

– Здравствуйте! Надеюсь, я не опоздала? Я очень спешила, но всюду пробки, вы же понимаете...

Ирина приподнялась из-за стола и уставилась на Надежду. Черты ее лица обострились, и она проговорила с насто-роженным удивлением:

– Опоздали? А куда вы, собственно, опоздали?

– Как – куда? – Надежда изобразила высокомерное изумление, как будто разговаривала с наивным ребенком. – На сеанс к психоаналитику. К Семену Ильичу.

– К Илье Семеновичу... – машинально поправила ее секретарша. – Простите, а как ваша фамилия?

– Моя фамилия Гусынина! – гордо произнесла Надежда таким тоном, как будто представилась герцогиней Виндзорской. – Нина Николаевна Гусынина!

Еще не хватало записываться к этому подозрительному типу под собственной фамилией!

Секретарша заглянула в компьютер.

– Да, Нина Николаевна, вы действительно записаны на

прием, но только не сегодня, а завтра. На это самое время.

– Как завтра? Что значит – завтра? Я не могла перепутать! Я записалась на пятницу, потому что только по пятницам у меня есть свободное время.

– Рада за вас, и вы действительно записаны на пятницу, но только сегодня четверг.

– Что вы из меня дуру делаете?! – Надежда потихоньку набирала обороты. – Я что, по-вашему, не знаю, какой сегодня день недели? Сегодня пятница! Мне по пятницам привозят безлактозное молоко и безглютеновый хлеб от фирмы «Здоровив». И мне их сегодня привезли. Значит, сегодня пятница.

Уверенная, что своим аргументом сразила секретаршу, Надежда уселась на стул, положив сумку на колени. Но Ирина не собиралась сдаваться без боя.

– Вы как хотите, – процедила она, – но сегодня четверг. Вот, посмотрите на календарь!

– Мне ваш календарь не указ! – безапелляционно отрезала Надежда. – Не сомневаюсь, фирма «Здоровив», которая привозит мне продукты для здорового питания, прекрасно знает, какой сегодня день!

На этот раз секретарша растерялась.

Столь неожиданный аргумент, а особенно такая уверенность в голосе пациентки выбили у нее почву из-под ног. Она открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба, пытаясь найти хоть какой-то достойный ответ.

Тут сама Надежда неожиданно пришла ей на помощь. Она достала телефон, видимо, собираясь предоставить еще одно доказательство своей правоты, уставилась на экран, шевеля губами. На ее лице вдруг проступила растерянность.

– А вот тут у меня сообщение от фирмы «Здоровив»... они мне пишут... Ох, пишут мне, что в виде исключения сделают доставку не в пятницу, а в четверг. Так что, сегодня действительно четверг?

– А я вам о чем уже полчаса толкую! – с явным облегчением выпалила Ирина.

– Действительно четверг? – недоверчиво повторила Надежда. – Вы уверены?

– Уверена, уверена!

– Но по четвергам я занимаюсь с тренером по пиратесу!

– Наверное, вы хотели сказать – по пилатесу... – машинально поправила секретарша.

– Я хотела сказать то, что сказала! – одернула ее Надежда и взглянула на часы. – Мне уже через час нужно быть на тренировке! Значит, я не смогу сейчас пойти на сеанс к Семену Ильичу...

– К Илье Семеновичу, – привычно поправила Ирина. – Но он и не смог бы вас принять. У него сейчас по записи другой пациент.

– Как это – другой? Вы не расслышали? Я Гусынина! Нина Николаевна Гусынина!

– Я расслышала, – сжав зубы, раздраженно проговорила

секретарша. – Но Илья Семенович так или иначе...

– Впрочем, это неважно, – перебила ее Надежда. – Все равно мне скоро нужно идти к тренеру по пиратесу.

В это время дверь кабинета открылась, и в приемную вышла женщина с улыбочивым круглым лицом. Лет ей было побольше, чем Надежде, лучики морщин разбегались от глаз, что ее совершенно не портило. Было видно, что дама не гонится за давно убежавшей молодостью не потому, что не может себе позволить или из лени, просто ей это не нужно. Она вежливо попрощалась с Ириной и направилась к двери.

Надежда проводила ее взглядом, вскочила и устремилась следом. Помощница облегченно вздохнула.

Выйдя вместе с женщиной из офиса психоаналитика, Надежда нагнала пациентку и окликнула ее:

– Простите, вы, случайно, не Наталья Мизинцева?

Женщина обернулась, оглядела Надежду и кивнула:

– Да, это я... А в чем дело?

– Дело в том, что я ваша поклонница. Очень горячая поклонница! – затараторила Надежда. – Я смотрела все ваши фильмы. И «Признание официантки», и «Повар, вор и офис-менеджер», и «Что скрывает холодильник», и «Разговоры в пищеблоке»... Могли бы мы поговорить в каком-нибудь тихом, уютном месте? Я вас очень, очень прошу, вы доставите мне такое счастье!

– Вот как... – Женщина посмотрела на Надежду с каким-то странным выражением. – Счастье? В тихом и уют-

ном? Ну, если в тихом и уютном... почему бы и нет?

– Я видела тут рядом приличное кафе, думаю, там нам никто не помешает...

Женщины вышли на улицу и вскоре оказались перед входом в небольшое кафе.

Они сели за свободный столик. Надежда, пробежав взглядом меню, уже хотела заказать пирожное с завлекательным названием «Райское наслаждение», но ее спутница смотрела довольно строго, и Надя решила сдержаться свой порыв. Тяжело вздохнув, ограничилась чашкой капучино. Правда, большой, с карамельным сиропом. Каково же было ее удивление, когда собеседница заказала то самое «Райское наслаждение» и еще одно под двусмысленным названием «Я хороша!».

Официантка принесла заказ и удалилась.

Мизинцева сделала глоток кофе, подняла глаза на Надежду и веско проговорила:

– Колись.

– В каком смысле? – растерянно переспросила Надежда.

– В самом прямом.

– Я не понимаю...

– Понимаешь! Говоришь, поклонница? Смотрела все мои фильмы и сериалы?

– Ну да... почти все...

– Если бы ты и правда их смотрела, ты знала бы, что «Разговоры в пищеблоке» не вышли на экраны из-за конфликта между режиссером и продюсером, а тот фильм, который

ты назвала «Повар, вор и офис-менеджер», на самом деле в прокате шел как «Контракт кондитера». А то название по ошибке использовали в журнальной статье и потом перепечатали в интернете.

«Так и знала, что в интернете все наврут!» – обреченно подумала Надежда, сохраняя на лице отстраненное выражение.

– Так что никакая ты не поклонница, – припечатала Мизинцева. – Да у меня их, поклонниц, и нет почти. И раньше-то не было, а сейчас, когда я уже двадцать лет не снимаюсь, совсем не осталось. Так что колись – кто ты такая и зачем я тебе понадобилась.

Надежда смущенно развела руками.

– Ну, дорогая моя, вы меня быстро раскусили! Я просто поражена! Снимаю шляпу, которой у меня нет и никогда не было!

– Не уходи от темы, давай по существу! Кто такая?

– Ну, если честно, то я – частный детектив! – бухнула Надежда, поскольку ей больше ничего не оставалось.

И в доказательство своих слов положила на стол удостоверение, которое она когда-то давно утащила у одной своей знакомой, которая и правда была частным детективом. Правда, недолго, поскольку вышла замуж за хозяина детективного агентства и через положенное время родила близнецов. Надежда навещала счастливую молодую маму, тогда-то и утащила у нее удостоверение, которое ей точно еще дол-

го не понадобится. Документ был просрочен, но Мизинцева, похоже, не обратила на это внимание.

– Ну-ну, – хмыкнула она, – продолжай...

– А можно, я тоже буду на ты? – осведомилась Надежда. – Да? Ну хорошо. Ладно, ты совершенно права, я не видела ни одного из твоих фильмов, просто искала подходящий повод с тобой заговорить.

– Считай, что заговорила. Теперь скажи, что тебе от меня нужно. Только честно.

Надежда замялась, собираясь с мыслями.

Мизинцева подбодрила ее:

– Наверняка это связано с психоаналитиком. С Ильей Семеновичем.

– И снова снимаю шляпу, – обрадовалась Надежда. – Как ты догадалась?

– Да чувствую, что с ним что-то не так. Я ведь их много видела – психологов, психотерапевтов, даже психиатров... У меня был очень трудный период, когда я страдала от тяжелой депрессии, даже в больнице лежала. Понимаешь, муж умер внезапно. Инфаркт. Я тогда на съемки уехала, вечером поговорили с ним по телефону, а утром дочка звонит – в больницу его на «скорой» увезли. Я – на самолет, да пока долетела, он уже умер, не спасли его. Даже проститься мы не успели...

– Ужас какой! – поежилась Надежда.

– Ну да, после этого я и запсиховала. Те съемки сорвались,

режиссер на меня озлился и наговорил всем, что со мной дела иметь нельзя. Меня и перестали снимать. Так бы хоть работа помогала, а тут сидишь и думаешь, думаешь... Я очень глубоко переживала, вплоть до суицидных мыслей. И тогда со мной работали самые разные мозгоправы. Так вот, этот Илья Семенович от них заметно отличается...

– Чем же?

– Скользкий он какой-то. Все время кажется, что говорит он одно, а думает другое. У них, психоаналитиков, ведь что главное? Главное – убедить пациента, что он ему поможет, а для этого нужно, чтобы тот ему полностью доверял. Так что он должен уметь слушать и беседу направлять в нужное русло. А этому, похоже, все равно, что ему говорят, мысли его другим заняты.

– Зачем же тогда к нему ходишь?

– Зять у меня богатый и заботливый. С тех пор, как я болела, думает, что у меня непорядок с психикой. И настаивает, чтобы ходила к психоаналитику. На самом деле я уже вполне выздоровела и проку от этих сеансов никакого, но хожу, чтобы зятя не обижать.

– А почему именно к Илье Семеновичу? Что, мало в городе других аналитиков?

– Да к нему его бизнес-партнер ходил, и теперь зять считает, что Илья Семенович – самый лучший. А я его не разубеждаю, чтобы лишний раз не спорить.

– Но вообще-то меня интересует даже не сам психоанали-

тик, а один из его пациентов, – осторожно сказала Надежда.

– Кто? Случайно, не тот человек, у которого сеанс после меня?

– Именно он, Венедиктов. А на этот раз как догадалась?

– Интуиция, – отмахнулась Мизинцева.

– Здорово! Так что ты про него можешь сказать?

– Странный человек. Опять же, я в своей жизни видела много странных людей, но этот... такое впечатление, что он видит призраков.

– Это как?

– Да вот вроде сидит, разговаривает с тобой, но кажется, что слушает кого-то другого. И смотрит куда-то в сторону, будто там кто-то невидимый. Он всегда приходит раньше, так что мы часто в приемной сталкивались. Я, знаешь, любого разговорить умею, внешность моя к этому располагает.

– Это точно... – согласилась Надежда, – улыбка у тебя хорошая, от человека с такой улыбкой ничего плохого не ждут.

– Спасибо.

– А что еще ты о нем знаешь? Ты ведь женщина умная, наблюдательная, много замечаешь... Чего-то особенного не заметила?

– Тебе мало того, что он видит призраков?

– Вообще-то да, мало. Мне бы что-то узнать о нем самом – кто такой, где работает...

– Вот насчет того, где работает, у меня есть наводка. Он как-то раз договаривался с Ириной о следующем сеансе и

хотел записать время. И не в телефоне, а по старинке, на бумаге. Достал блокнот, вытащил из кармана ручку и уронил, а она подкатилась к моим ногам. Я подняла, протянула хозяйину, но успела прочесть, что на ней написано...

– И что же?

– Там было странное слово «Геомедиум». Не знаю, что оно значит, наверное, какая-нибудь фирма. Но слово это отчетливо врезалось в память. Красные буквы на сиреновом фоне. Понимаю, что информации не очень много, но больше ничего интересного не помню. Уж извини.

– Спасибо тебе, все же лучше, чем ничего.

– Всегда рада быть полезной. Честно говоря, завидую тебе немножко. Какая у тебя интересная профессия! Расследования, поиски... Знаешь, у меня в последнее время жизнь скучная, а так в ней появился какой-то интерес. Может, тебе еще что-то нужно?

– Пожалуй, вот еще что. Ты женщина наблюдательная, можешь мне описать человека, о котором мы говорили? Вендиктова этого.

– Да запросто! Он худощавый, сутулый, с плохо подстриженными пегими волосами. Ходит как-то боком, как краб, а смотрит всегда немного сбоку, как птица, которая приглядывается к аппетитному червяку... – Наталья подняла одно плечо, наклонила к нему голову и искоса, по-птичьи, взглянула на Надежду, пародируя того человека.

– Ну спасибо! Я его как будто увидела!

– Пирожное-то возьми, – посоветовала Мизинцева, – мне одной столько не съесть.

Распрощавшись с Натальей Мизинцевой, Надежда Николаевна включила в своем смартфоне поисковик и сделала запрос на название «Геомедиум». Умная программа сообщила, что под таким названием работает организация, занимающаяся созданием и архивированием всевозможных географических карт и планов, и расположена она недалеко, на улице Панаева.

Сегодня времени уже не было, и Надежда решила наведаться в контору, где, по-видимому, работает загадочный господин Венедиктов, завтра с утра. Но утром навалились домашние дела, так что выбраться из дома она смогла только после обеда.

Она доехала до улицы Панаева, нашла нужный номер дома. Это оказался дореволюционный двухэтажный розовый особнячок с колоннами по фасаду и двумя упитанными кариаидами, поддерживающими фронтон.

Надежда подошла к дверям особняка. Перед ней туда же вошла высокая стройная женщина с темными волосами до плеч. На ней было короткое малиновое пальто и сапоги на высоком каблуке.

Немного выждав, Надежда вошла следом.

Пол в просторном вестибюле был из полированного мрамора, в глубине холла виднелся плавный изгиб мраморной

лестницы, поднимающейся на второй этаж.

Возле входа стояла женская статуя в классическом стиле – то ли какая-то греческая богиня, то ли одна из девяти муз. Рядом с ней за невысокой стойкой сидела женщина средних лет в старомодных круглых очках, видимо, вахтерша, с которой как раз беседовала та красивая брюнетка.

Надежда услышала этот разговор и насторожилась.

– Мне нужен Венедиктов, – сообщила брюнетка вахтерше. – Кирилл Николаевич Венедиктов. Он ведь работает здесь?

Услышав фамилию Венедиктова, Надежда внимательно пригляделась к брюнетке. Она ее прежде не видела, но что-то в облике показалось знакомым. Длинные прямые волосы, выразительные темные глаза, яркая одежда... малиновое пальто...

И под влиянием неосознанного порыва Надежда юркнула за статую. При этом прочла надпись на пьедестале – Урания. Муза астрономии. Ну да, она больше других греческих богинь и муз связана с картографией...

Мраморная муза смотрела на женщину с легким недовольством.

– Извини, – шепотом сказала Надежда музе. – Я тебя не побеспокою...

– Кирилл Николаевич? – переспросила тем временем вахтерша. – Как же, работает. Но только вас я к нему пропустить не могу. У нас пропускная система, а у вас пропуска нету.

Вот если он вам выпишет пропуск, тогда пропушу...

– Но вы можете попросить его спуститься? Мне очень нужно с ним встретиться!

– Могу, конечно! Для того я здесь и нахожусь. А какая ваша фамилия?

– Скажите, что это Марина. Он поймет.

Вахтерша взглянула неодобрительно, тем не менее сняла трубку местного телефона, набрала номер и проговорила:

– Кирилл Николаевич, это вас с вахты беспокоят. Тут к вам женщина пришла, говорит, что очень нужно с вами встретиться. Зовут Марина... фамилию она не сказала.

Выслушав ответ, вахтерша повесила трубку и повернулась туда, где только что стояла брюнетка.

– Сказал, что спустится...

Тут она обнаружила, что обращается к пустоте: посетительницы на прежнем месте не было. Ее вообще не было в холле.

Надежда тоже не заметила, как та исчезла, отвлекшись на разговор с мраморной музой.

– Вот же вертихвостка! – проворчала вахтерша. – Говорила, что очень ей нужен, а сама не дождалась... Вроде еще одна женщина тут была и тоже куда-то пропала...

Надежда, услышав это, еще плотнее прижалась к статуе. Та вроде бы не возражала.

В это время на лестнице показался сутулый худощавый мужчина средних лет.

Надежде не нужно было спрашивать его имя – она мгновенно узнала Кирилла Венедиктова благодаря точному описанию Натальи Мизинцевой. Вот что значит артистическая наблюдательность! Нет, зря ее перестали снимать, у этой женщины несомненный талант.

Сутулый, с пегими, неаккуратно подстриженными волосами, Венедиктов спускался по лестнице боком, как краб. Подошел к вахтерше и проговорил, по-птичьи склонив голову к плечу:

– Вы говорили, ко мне женщина пришла?

– Да. Только, пока я вам звонила, она куда-то делась.

– Что значит – делась?

– Да вот была, прямо здесь стояла, а теперь нету. Я за ней не уследила. Ушла, наверное, не дождалась. А говорила, что ей очень нужно с вами поговорить.

– А как она выглядела?

– Хорошо выглядела. Стройная, высокая. Брюнетка, волосы красивые, до плеч, и глаза темные. Пальто такое яркое, малиновое... Сапоги на очень высоких каблуках.

При этих словах Венедиктов заметно побледнел и схватился за сердце.

Когда вахтерша дала словесный портрет красивой женщины, Надежда поняла, почему та показалась ей знакомой. Она не видела ее прежде, но слышала описание ее внешности, правда, в двойном пересказе: именно так описывал психолог таинственную жену господина Венедиктова в пе-

рассказе Марии со слов покойной Инны... Во всяком случае, малиновое пальто там точно присутствовало. И каблуки... То-то Надежде показалось, что брюнетка хоть и эффектная, но выглядит немного старомодно – ну кто сейчас носит сапоги на высоченных каблуках? Все модные дамы давно переобулись в кроссовки. Очевидно, Венедиктов запомнил свою жену такой. Тьфу! То есть ему этот, с позволения сказать, психоаналитик дал установку на такой образ. Ой, нужно все-таки с ним разобраться, дурит этот Илья Семенович людей почем зря. А если еще он причастен к смерти Инны Дроздовой...

– Как же вы не посмотрели, куда она ушла? – недовольно выпалил Венедиктов, сверля вахтершу взглядом.

– Я не для того сижу, чтобы за всякими брюнетками следить! – обиженно пропыхтела вахтерша. – Я здесь слежу, чтобы никто посторонний не прошел!

Венедиктов ее не дослушал, бросился к выходу, выскочил на улицу. Через некоторое время вернулся с растерянным лицом и проговорил, ни к кому не обращаясь:

– Нету... нигде... ушла...

– Я-то при чем?.. – недовольно проворчала вахтерша.

Венедиктов махнул рукой, опустил голову и поплелся обратно к лестнице. Вся фигура его выражала полное отчаяние.

Холл опустел.

Вахтерша, бросив взгляд вслед Венедиктову, недовольно

пробормотала:

– И все я у них виновата... пойду хоть чаю выпью... А то сидишь здесь, гробишь здоровье, и никакой благодарности...

Она вышла из-за стойки и ушла в комнатку под лестницей.

Надежда выбралась из своего укрытия и взбежала по лестнице на второй этаж.

По сторонам широкого коридора располагались кабинеты. Коридор был пуст, только из-за дверей доносились неясные голоса. Вдруг одна из дверей открылась, и оттуда вышел Венедиктов, по-птичьи склонив голову к плечу и глядя под ноги.

Надежда прижалась к стене и пропустила мужчину, тот, похоже, ее вообще не заметил, зашел в соседний кабинет, где его поприветствовал чей-то громкий голос. Надежда толкнула створку и проскользнула внутрь помещения, из которого Кирилл Николаевич только что вышел.

Она оказалась в большом полутемном кабинете, стены которого были завешаны старинными картами в красивых рамках. Единственное окно было задернуто тяжелой портьерой. В глубине комнаты стоял старинный письменный стол, над ним на стене висел портрет солидного пожилого мужчины в сюртуке по моде девятнадцатого века, со стоячим воротничком и широким шелковым галстуком. В руках он держал свернутую старинную карту.

Подпись на табличке, прикрепленной снизу к раме, гласила, что этот господин – известный картограф девятнадцатого века Григорий Генрихович Вестингауз. Ну конечно, и карта в руках это подтверждает...

Надежда достала мобильный телефон и сделала несколько фотографий кабинета, чтобы изучить на досуге. При этом изображенный на портрете господин смотрел на нее очень неодобрительно. Надежда хотела извиниться, но решила, что это будет уже перебор.

Она продолжала свое занятие, как вдруг ручка повернулась, и дверь кабинета начала открываться...

Наверняка вернулся Венедиктов. Не хватало, чтобы он застал ее здесь!

Надежда метнулась через кабинет и юркнула за портьеру. Плотная ткань была ужасно пыльная, и Надежда едва сдерживалась, чтобы не чихнуть.

В дверном проеме действительно оказался Венедиктов.

Он подошел к столу, сел в кресло, снял трубку телефона, набрал номер. Услышав ответ, проговорил взволнованным голосом:

– Ирина, это Венедиктов... да, Кирилл Венедиктов. Могу я записаться на дополнительный сеанс? Мне очень нужно! Пожалуйста... Ничего нет? Тогда соедините меня с Ильей Семеновичем! Я должен немедленно с ним побеседовать! – После недолгой паузы он заговорил умоляющим, чуть ли не плачущим голосом: – Илья Семенович, она появилась! Да,

она, Марина, моя жена! Она ко мне приходила! Прямо на работу! Да, я уверен! Никаких сомнений! Ее видела вахтерша... – Выслушал ответ и снова забормотал: – Да, пожалуйста... Я вам очень благодарен! Да, подъеду ровно через час, я успею... – Бросил трубку, вскочил, заметался по кабинету, схватил портфель, сложил в него какие-то бумаги и вылетел в коридор.

Надежда выждала пару минут, выбралась из-за портьеры и подошла к двери. Здесь ее ожидал неприятный сюрприз: хотя Венедиктов очень спешил, он все же запер кабинет на ключ.

– Вот еще не хватало... – пробормотала, совсем не хотелось сидеть в кабинете до возвращения его хозяина.

Надежда пригляделась к замку. Он был не такого типа, который легко открыть согнутой канцелярской скрепкой. Тут она вспомнила, что во многих детективах дверные замки открывают при помощи обычной пластиковой карточки. Она достала из кошелька банковскую карту, вставила ее между дверью и косяком и провела снизу вверх.

Пластик действительно отжал язычок замка, и створка открылась.

Надежда перевела дыхание и выскользнула в коридор.

Там никого не было. Венедиктов уже наверняка покинул особняк.

Надежда сбежала вниз по лестнице, пронеслась мимо вахтерши, изумленно уставившейся на нее, и выбежала на ули-

цу. И увидела Венедиктова.

Кирилл Николаевич не успел уехать, он метался по тротуару, взволнованно размахивая рукой и пытаясь остановить одну из проезжающих машин. Те проезжали мимо, не притормаживая. И то сказать, если бы Надежда была на месте водителей, она бы тоже не остановилась. Уж очень странно выглядел Венедиктов – растрепанный, нервный, куртка не на те пуговицы застегнута... Посадишь такого в машину – а он форменным психом окажется, потом неприятностей не оберешься с таким пассажиром.

Вдруг из-за угла выскользнул длинный черный автомобиль, хищными очертаниями похожий на акулу. Он притормозил, проезжая мимо Надежды, она невольно заглянула в салон и увидела на переднем пассажирском сиденье красивую молодую женщину с длинными иссиня-черными волосами и большими яркими глазами. Пальто не было видно, но помада на губах имела малиновый оттенок.

Сомнений не было: это та самая брюнетка, которая только что приходила в «Геомедиум» и просила встречи с Венедиктовым, но сбежала, не дождавшись его. Сказала, что ее зовут Марина... Ну, это мы еще проверим.

И тут Венедиктов тоже увидел брюнетку в черной машине.

Застыл на месте, как громом пораженный, а потом метнулся к автомобилю, размахивая руками, как мельница крыльями, и крича срывающимся от волнения голосом:

– Марина! Марина!

Но черная машина не остановилась, наоборот, прибавила скорость и скрылась за углом.

В самый последний момент Надежда успела заметить на заднем стекле авто рекламную наклейку с надписью «Вечный покой по умеренным ценам». Лучше запомнила бы номер машины, но, как назло, была без очков и мелкие цифры номера не смогла прочесть.

Надежда Николаевна с юности страдала небольшой близорукостью. Хотя термин «страдала» тут не совсем уместен. Вернее будет сказать, что Надежда не страдала, а маялась дурью, по выражению ее близкой и давней подруги Алки Тимофеевой. Отчего-то она считала, что очки ей не идут независимо от оправы, и потому надевала их крайне редко – в темном зале кинотеатра или же дома перед телевизором. И на улице, если уж очень нужно. И сейчас просто не успела их достать, поэтому и не разглядела номер.

Венедиктов стоял на тротуаре с растерянным и несчастным лицом, едва не плача.

Возле него остановился скромный серый «Опель», в приоткрытое окно выглянул смуглый брюнет и проговорил с легким акцентом:

– Хозяин, ехать надо?

Венедиктов очнулся, провел рукой по лицу и дрожащим голосом пробормотал:

– Надо... к Илье Семеновичу...

– Какой такой Семеныч? – переспросил водитель. – Не знаю никакой Семеныч! Никогда не возил к Семеныч! Ты, главное, садись, хозяин, там скажешь, куда ехать!

Венедиктов послушно сел на переднее сиденье, и машина тотчас уехала.

Надежда недолго стояла в раздумьях.

Ей хотелось что-нибудь узнать о загадочной брюнетке, но куда та уехала, неясно. Зато она точно знала, куда отправился Венедиктов: к психоаналитику Илье Семеновичу.

Что ж, если приходится выбирать, за каким из двух зайцев гнаться, нужно предпочесть того, что поближе.

Она поймала еще одного частного извозчика, но поехала не к психоаналитику, а к своему компьютерному гению Бобу с предварительным заездом в кондитерский магазин.

Звонком предупредить не стала: во-первых, Боб никогда не отвечает на телефонные вызовы, во-вторых, куда он денется из своего подвала, он вообще на улицу не выходит.

Водитель подождал ее около логова Боба, где Надежда провела всего несколько минут, и на этот раз отправилась уже к Илье Семеновичу.

В приемной аналитика все было по-прежнему. В стеклянном кубе медленно всплывали разноцветные пузыри, в аквариуме неторопливо плавали пираньи.

Однако, в отличие от прежнего визита, в приемной, кроме пираний и секретарши, находился Венедиктов.

Он сидел в углу дивана, подперев кулаком подбородок, и неподвижным взглядом смотрел на дверь кабинета.

Секретарша и одна из пираций посмотрели на вошедшую Надежду с одинаковым гастрономическим интересом. Впрочем, Ирина тут же узнала в ней потенциальную богатую и привередливую клиентку, натянула на лицо дежурную улыбку и проговорила слащавым заискивающим тоном:

– Здравствуйте, Нина Николаевна!

– Здравствуйте-здоровствуйте! Надеюсь, сегодня я не ошиблась? Сегодня ведь точно пятница?

– Пятница... – протянула Ирина, собираясь продолжить, – но это еще не...

– Значит, я наконец попаду к Илье Семеновичу?

– К сожалению, вы были записаны на другое время. Илья Семенович, возможно, принял бы вас в порядке исключения, но его сейчас ждет другой пациент, – и она кивнула на Венедиктова.

– Другой? – Надежда пренебрежительно поглядела на Кирилла Николаевича. – Он может подождать!

– Не может. Вы же видите, в каком он состоянии! Илья Семенович обещал принять его, как только освободится.

– Но я тоже в состоянии... – Надежда тщательно подбирала слова, чтобы не слишком наезжать, вдруг сеанс Венедиктова действительно перенесут. Тогда придется еще раз приходить, а ей тут очень не нравилось.

– Увы, они уже договорились! – Ирина не сумела скрыть

досаду в голосе.

Надежда изобразила удивление и недовольство и возмущенно фыркнула:

– Вот так всегда! Когда бы я ни пришла, он всегда занят!

– Но вы могли бы для разнообразия прийти в то время, на которое записаны, – съязвила Ирина.

Да уж, на месте психоаналитика Надежда не стала бы держать такую помощницу, которая клиентов только отпугивает. С другой стороны, она вспомнила, что Ирина явно причастна к похищению Инны, бомж совершенно точно ее описал. Ишь, злодейка! С тобой тоже со временем разберемся.

– Но-но! – Надежда скользнула по секретарше высокомерным взглядом.

В это время дверь кабинета открылась, и на пороге появился невысокий мужчина с маленькой бородкой, густыми кустистыми бровями и блестящей плешью, окруженной венчиком рыжеватых волос.

– Кирилл Николаевич, пройдемте! – приветливо обратился он к Венедиктову.

Венедиктов порывисто встал и шагнул к двери кабинета, но Надежда опередила его, подлетела к психоаналитику и затараторила:

– Семен Ильич, то есть, извините, Илья Семенович, я к вам никак не могу попасть на прием, но я ничуть не в обиде...

– Ирина, в чем дело? – психоаналитик недовольно поднял

брови и взглянул на секретаршу. – Я вас просил...

– Я все объяснила даме, но она меня и слушать не хочет!

Надежда, однако, ее перебила:

– Не волнуйтесь, я не в претензии. Я только хотела сделать вам маленький презент... В знак нашей будущей дружбы, на которую я очень надеюсь. – С этими словами она вытащила из сумки большую яркую коробку конфет, вложила ее в руки Ильи Семеновича и продолжила самодовольно: – Это знаменитые конфеты «Матушка Гусыня», фирменный сорт моей кондитерской фабрики, можно сказать, ее лицо. Дело в том, что моя фамилия – Гусынина, моей семье принадлежит известная конфетная фабрика в городе Гусь-Конфетный... и это, так сказать, семейные конфеты... или фамильные... сделаны по старинному коломенскому рецепту, много поколений хранившемся в нашей семье...

Илья Семенович покрутил головой, пытаясь понять странную женщину.

Надежда настаивала:

– Берите-берите, вам понравится, вы теперь будете покупать только эти конфеты! Или не покупать... Зачем вам их покупать, если я буду вам их дарить?

Психоаналитик решил не спорить. Прижал коробку рукой и шагнул в кабинет, кивнув Венедиктову:

– Кирилл Николаевич, пойдёмте!

Венедиктов устремился за ним, дверь закрылась.

Надежда Николаевна повернулась к Ирине и спросила с

прежним высокомерием:

– Могу я, по крайней мере, воспользоваться вашим туалетом?

– Да, Нина Николаевна! Конечно, Нина Николаевна! Это налево по коридору...

Надежда с величественным видом вдовствующей императрицы проследовала в указанном направлении. Она легко нашла по описанию тот угол, где была вентиляционная решетка, через которую Инна подслушала разговор психоаналитика с Венедиктовым, опустилась на колени... Но на месте вентиляционного канала была кафельная плитка. Причем недавно приклеенная – из-под нее выползала змейка свежего цемента.

То есть психоаналитик или кто-то из его подручных понял, что через вентиляцию можно подслушать разговор в кабинете, и заделал нежелательный канал утечки информации.

Небось эта стерва Ирина подглядела, как Инна подслушивала.

Надежда отметила этот факт, но не слишком расстроилась. У нее был еще один способ узнать, о чем Илья Семенович говорит с Венедиктовым.

Дело в том, что, зайдя по дороге к Бобу, Надежда попросила у него миниатюрное подслушивающее устройство и потом спрятала микрофон в коробке конфет «Матушка Гусыня», которую купила в кондитерском магазине вместе с печеньем, шоколадными вафлями и имбирным кексом для Боба.

Очень удачно получилось, что придуманная ею фамилия совпала с названием конфет. И теперь эта коробка вместе с микрофоном лежала на столе в кабинете психоаналитика.

Надежда зашла в кабинку, закрыла дверь, села на крышку унитаза и достала из сумки планшет, который ей дал (на время) тот же Боб. На планшет был выведен звук с микрофона-прослушки.

Надежда достала наушники, включила программу и прибавила звук. И тут же услышала красивый бархатный голос психоаналитика:

– Что такое, дорогой Кирилл Николаевич? Что случилось? Что вас так взволновало?

– Я ее видел! Она сама пришла ко мне на работу, а потом исчезла!

– О ком вы говорите?

– Конечно же, о своей жене! О Марине! Она заявила в контору, потом пропала, а через полчаса я снова увидел ее, на этот раз в проезжавшей мимо машине!

– Но, дорогой мой, вы же знаете, что у вас нет никакой жены. И никогда не было...

– Я знаю... – безнадежно выдохнул Венедиктов, – конечно, я знаю, но я видел ее собственными глазами!

– То, что вы рассказываете, вписывается в классическую картину невроза навязчивых состояний. Вы говорите, что она пришла к вам на работу? Вы ее видели?

– Нет... когда я спустился в холл, она уже исчезла.

– Но, Кирилл Николаевич, вы же знаете, что живые люди просто так не исчезают. Они же не призраки... И ведь сами вы ее не видели. Только вахтерша.

– Да, но потом я сам тоже видел. Она проехала мимо меня в машине...

– Опять же, вы мельком видели какую-то женщину в движущейся машине. Вы не можете быть уверены, что это была она... ваша так называемая жена!

– Но я уверен, уверен...

– Что ж, я вижу, что ваше состояние ухудшилось. Я не хотел лишний раз прибегать к внушению, но понимаю, что без этого не обойтись. Если, конечно, вы не против.

– Сделайте хоть что-нибудь! Я так больше не могу, боюсь, что сойду с ума...

– Ладно.

Голос аналитика стал тише.

Он начал размеренно считать:

– Десять... девять... восемь... ваши веки становятся тяжелыми, они слипаются... когда я закончу обратный отсчет, вы погрузитесь в гипнотический сон. Вы будете слышать только мой голос и будете верить только мне... Семь, шесть, пять... ваши руки и ноги словно наливаются свинцом... вы погружаетесь в транс... Четыре, три, два... один!

Илья Семенович сделал небольшую паузу, видимо, хотел убедиться, что пациент погрузился достаточно глубоко, затем снова заговорил:

– Вы действительно были женаты. И сегодня вы видели свою жену. Вы все еще любите ее и ради нее готовы на что угодно. Вы очень часто вспоминаете ее. Вспоминаете, как целовали ее пальцы, тонкие, с ярко-красными ногтями... вы очень любили смотреть, как она покрывала ногти лаком, а потом вы целовали эти пальцы один за другим, один за другим... И кольцо, вы ведь подарили ей кольцо с большим золотистым топазом. Она всегда носила его на безымянном пальце левой руки... Вы все еще любите ее. И она тоже любит вас. Только страшные, непреодолимые обстоятельства вас разделили. Но вы все сделаете, чтобы вернуть ее, вернуть в целости и сохранности...

Дверь туалета скрипнула, и раздался подозрительный голос Ирины:

– Нина Николаевна, с вами все в порядке? Может быть, вам нужна помощь?

Надежда торопливо спрятала планшет, пошуршала туалетной бумагой, спустила воду и открыла дверцу кабинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.